

Размышления у телевизора

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Газета «Советская культура» недавно посвятила целую страницу «Завтрашнему дню советского телевидения». Я читал эту страницу с понятным волнением. Перспективы, действительно, захватывающие. Если сейчас в стране существует 13 телецентров, то к концу года их уже будет 20, а к концу пятилетки не менее 75. Мощные радиорелейные линии свяжут между собой крупнейшие центры страны, что даст возможность обмениваться наиболее интересными передачами. С 1958 года телевидение начнет становиться цветным. Не только жители городов, но и сел, отстоящих от города на сотни километров, смогут проводить у телевизора часы досуга.

Уже сегодня в одной лишь Москве и ее окрестностях, по самым скромным подсчетам, более трех миллионов человек смотрят телевизионные передачи. Телевидение перестает быть роскошью и превращается в потребность. Не за горами день, когда телевизор будет в каждом доме.

Это значит, что телевидение стало бесконечно ответственным делом для тех, кому поручено им заниматься. Призванное удовлетворять запросы миллионов, оно не имеет права отставать, плестись в хвосте у жизни. Читая «Советскую культуру», я думал не только о будущем, но и о настоящем, и досадовал на то, что газета не рассказывала о тех трудностях, какие испытывает телевидение на современном этапе.

А между тем уже сегодня осязательны «ножницы» между бурным темпом развития телевидения и качеством телевизионного обслуживания зрителя. Об этом нужно говорить прямо, об этом нужно говорить резко, потому что время не терпит, потому что вопросы эти сама жизнь выдвигает на повестку дня.

Изжить кустарщину

Говоря коротко, трудности, переживаемые советским телевидением, с одной стороны, зависят от состояния техники, с другой — от форм студийной работы и нынешних представлений о границах телепропаганды.

Об отставании техники можно сказать, и я думаю, будет сказано много, но это вне моей компетенции. Скажу о том, что я, зритель, вижу повседневно, проводя свободные вечера у экрана телевизора.

Было бы неверно целиком зачеркнуть ту работу, которую ведут сотрудники Центральной студии телевидения. Можно назвать целый ряд интересных, содержательных, умных, мастерски сделанных передач. Больше того, когда проглядываешь программы передач, видишь, что в студии думают о разнообразии интересов зрителя: на телевизионном экране представлены искусство и наука, техника и спорт, введены интересные циклы, специальные тележурналы; наряду со взрослыми не забыты и малыши. И все же зрители активно выражают свое недовольство, жалуются, что они у телевизора скучают...

Мне кажется, что работа Центральной студии (а она, видимо, отражает положение дел в других телестудиях) слишком задержалась на первоначальном, «кустарном» этапе. Студия сегодня действует так же (или почти так же), как в те годы, когда телевизорами обладали еще единицы, а не миллионы. Она все еще остается тем учреждением, куда многие актеры «забегают» в перерыве между репетицией и спектаклем и смотрят на это дело, как на дополнительный заработок. В студии работает не слишком квалифицированный круг авторов, не всегда привлекаются специалисты. Наконец, не очень ясно, кому, собственно, подчиняется студия, потому что ее непосредственным «хозяином» является Министерство культуры, а хозяином телецентра — Министерство связи, и отношения между министерствами в этом деле оставляют желать лучшего.

Программу телевидения непрерывно «штаат». То запускаются «серийно» эстрадные концерты, то одностопные вечера самодеятельности. То, словно решив, что «развлекать» зрителя обязательно, работники студии с 7 до 11 часов пичкают его общеобразовательными передачами (такова, например, программа 23 марта: передача «Литературная Москва», научно-популярный фильм «Повесть о жизни растений», беседа о природных богатствах Казахстана в шестой пятилетке, хроникально-документальный фильм «Путешествие по Аргентине»). То, напротив, подавляют зрителя обилием преподаваемого ему за вечер искусства (29 апреля: кукольный спектакль «Золушка», телестановка «Странный джентльмен» по Диккенсу, кинофильмы «Главный проспект» и «Мария Кавалерия»). То, ничтоже сумняшеся, демонстрируют сразу два-три новых фильма и почитают свою миссию оконченной. И я уже не говорю о том, что в студии и за грех не считают сдвигать сетку объявленных передач так, что если ты, скажем, интересуешься лекцией, назначенной на 21 час, включай телевизор заранее: она может начаться и в 20 часов, и в 22, и вовсе выпасть из вечерней программы. Что же касается до широко разрекламированной второй программы, то пока по ней демонстрируются главным образом кинофильмы, да и принимается она, как известно, далеко не всеми телезрителями.

Дальнейшая жизнь нашего телевидения будет развиваться, как я надеюсь, совсем в иных формах, приобретать иные масштабы, иной размах, чем это было до сих пор. Ощущение кустарщины, бедности, порой даже какой-то провинциальности, не покидает зрителя, регулярно слезающего за программами телевидения. Это и соответствует действительному положению дел на студии. Необходимо думать ее работе совсем иной размах. Я думаю, что пора вывести телевидение из-под опеки радио, создав самостоятельное Управление теле-

визионного вещания, которое руководило бы всеми телестудиями страны и имело мощную финансовую и техническую базу. Словом, эту общегосударственную проблему и решать следует по-государственному. Дело слишком важно и не терпит отлагательств.

Язык телевидения

На моем веку задолго до телевидения такой же период кустарничества пережили сперва кино, а затем и радио. Они тоже не вдруг нашли свою специфику, а поначалу захватывали области, им не свойственные.

Сами работники Центральной студии путя говорят, что, подобно первым автомобилям, которые делались в виде карет, многие передачи невольно копируют принципы радио. Так, только за последний месяц телезрителям довелось прослушать несколько унылых получасовых общеобразовательных передач, отличавшихся от аналогичных передач по радио лишь тем, что текст их был сущее да лектор, говоривший, например, о проходческом комбайне, попутно обращался к модели, слишком сложной для того, чтобы зритель мог разобраться в ее устройстве. А ведь телевидение призвано быть не только развлечением, но и «окном в мир», расширять кругозор своих зрителей.

Два качества необходимы общеобразовательным передачам, если мы хотим, чтобы они поднялись над своим нынешним невысоким уровнем, — оперативность информации и занимательность подачи, при которой хроника, документ, научный факт возводились бы в степень искусства. От научно-популярных и общественно-политических передач требуется умение завоевать зрителя, увлечь его. Иначе они неизбежно будут рассматриваться многими, как «перекур» между фильмом и спектаклем. И не надо закрывать на это глаза.

Известно, что многие зарубежные телестудии научились регулярно демонстрировать те или иные события на экране в тот же день, как они совершились. Мне жаль, что мы еще плохо владем этой техникой, что мечтой остается пока цикл передач «с киноаппаратом по городу», который мог бы весьма разнообразить наши программы.

Основное свойство телевидения — быть наглядным, зримым. Его решающий признак — изображение. Когда оно не демонстрирует того, о чем говорит, оно теряет, так сказать, свой главный козырь. Если лекция не может быть «показана», если «известия» не «видимы», лучше попрежнему передавать их по радио. Телевидение, по-моему, весьма близко к кино и в особенности к документальному. Так же, как и хроникальное кино, оно плохо переносит инсценировку, условный «розыгрыш» чего-то, что могло бы иметь место в жизни.

Например, я был удручен серией рекламных передач «В театрах Москвы»: на экране известные актеры звонили по телефону не менее известным драматургам, «заказывали» им пьесы, встречались с режиссерами и в форме «непринужденной беседы» оповещали зрителей о будущих постановках. Мне всегда становится стыдно, когда в ходе передачи актер отвечает на вопросы трех студентов, «случайно» оказавшихся в студии. Словом, я — за все формы и виды телерепортажа, но против «театра в театре», каким часто бывают у нас телевизионные передачи.

«Почтовый ящик» или творческий центр?

Вопрос — важный. Разумеется, телевидение должно быть — и является уже — передатчиком, проводником всего интересного, общественно значимого, что происходит за стенами студии, в городе, стране. Но и в этой сфере деятельности студия должна рассматривать себя как творческий орган, как высокую трибуну, а не уподобляться «почтовому ящику», куда каждый может опустить корреспонденцию.

К сожалению, сегодня студия ближе к «почтовому ящику». Она все больше передает готовое — фильмы, спектакли, спортивные состязания, вечера — и делает это без должного отбора. Я не уверен, например, что следует показывать по телевидению все фильмы, в том числе и такие, которые признаны слабыми, нехудожественными. — ведь «радиус действия» скверного фильма тем самым безмерно расширяется. То же относится к спектаклям и к некоторым концертам. Как надоел этот дежурный набор номеров с непререкаемым участием средней руки инструментальных ансамблей, жонглера, жанровой певицы без голоса и танцевальных дуэтов без признаков жанра! Так и кажется, что присутствуешь на нескончаемом «вечере отдыха», организованном где-то в заштатном клубе предприимчивым администратором.

Очень огорчает, что студия весьма робко пробует свои силы в самостоятельных телепередачах. В лучшем случае она решает дать лекцию, что-то выступление перед зрителями, репортаж. Оригинальные телестановки — не частые гости в нашей программе, да и, как правило, они пока что «короткометражны». Я уж не говорю о том, что в их выборе и использовании все случайно и больше определяется актерскими и режиссерскими «предположениями», чем «спросом» самой студии.

Мне кажется, что именно так появилась телестановка «Странный джентльмен» по Диккенсу, весьма некритически утвержденная для передачи. Я имею в виду слабую постановку, а не самую пьесу. Диккенс, разумеется, не вызывает возражений.

Но вот одноактная пьеса В. Потемкиной «С теплым ветром» вызывает возражения сама по себе. Это — пошловатый водевиль, доживавший свой век на эстраде, а теперь навязанный вниманию московских телезрителей.

А между тем зрители особенно привлекают оригинальные телепередачи, то, что он не может увидеть ни в театре, ни в кино. Телевидение должно как можно меньше дублировать. Оно все должно делать в «первый раз», и притом на самом высоком уровне, коль скоро дело касается миллионов.

Какими силами должны осуществляться студийные постановки? Мне представляется, что в ближайшее время при студии должен быть создан свой театр, специальный коллектив «телеактеров» и «телережиссеров», целиком принадлежащих студии, наподобие уже существующего у нас Театра киноактера. Другое дело, что к постановкам этого театра могут приглашаться исполнители из других коллективов. Но без своих кадров студии не обойтись.

Словом, творческие возможности студии должны быть расширены, и не только за счет оригинальных постановок. Тут и тематические концерты, и творческие вечера, и многое другое, чего я даже не могу предвидеть, потому что мыслю категориями, уже известными из практики прочих видов искусств.

Показывать лучшее!

На наших глазах развертывается конкуренция между телевидением, с одной стороны, театром и кино — с другой.

Эти последние серьезно опасаются, что телевидение «отобьет» у них зрителей. Студии не разрешают показывать новые фильмы ранее, чем на 10—11-й день после их выхода на экран. Не дают ей — иначе сказать, не дают миллионному зрителю — лучшие спектакли последних лет. Ни «Клоп», ни «Гамлет», ни «Оптимистическая трагедия», ни «Кремлевские куранты», ни «Фомы Гордеев» по телевидению не показывались. По телевидению можно увидеть то, что уже «отыграно», приелось театральному зрителю, что перестало со временем делать сборы, а то и просто-напросто не удалось. Так, в этом сезоне предстали на телевизионном экране не пользующийся успехом вахтанговский спектакль «Да, вот она — любовь...», облетавший спектакль Театра имени Ленинского комсомола «Так и будет», потускневший в новой постановке Театра сатиры «Чужой ребенок». Проще сказать, театры «выдают» телезрителю то, что им самим не нужно.

Такая позиция представляется мне антигосударственной. Давайте руководствоваться соображениями творческими, идейными, а не одной только заботой о повышении сборов. Вель мы все делаем одно и то же дело. Как же можно лавать народу вместо лучших — худшие образцы искусства, стало быть, распространять их на гигантскую аудиторию? И кто мы, в конце концов, — коммерсанты или политики?

Я убежден, что телевидение никогда не займет места театра. Этого не случится. В свое время кино не вытеснило театра, хотя по этому поводу делались весьма неутешительные прогнозы. Больше того: я убежден, что хороший спектакль, переданный по телевидению, есть лучший, наиболее действенный способ популяризации работы театра, актера и режиссера. Руководителям театров следовало бы задуматься над тем, что пьеса, напечатанная в журнале, никогда не мешает успеху спектакля, музыкальные радиопередачи, приобщая людей к миру музыки, лишь увеличивают число посетителей концертов, а то обстоятельство, что по телевизору стали передавать футбольные матчи, отнюдь не опустошило наши стадионы... А вот плохой спектакль, показанный по телевидению, способен серьезно отвлечь зрителей от данного театра.

Нужно помнить: телевидение — это не место, куда сбывают ненужное, не выставка «упущенных товаров». Телевидение — это лучшая спичечная площадка города. Право показать там спектакль — почетное право. Его еще нужно завоевать. Так — и только так — может быть поставлен этот вопрос.

Последнее, о чем я хочу сказать. Студия пока работает келейно. Критические статьи о телевидении — редкость. Газеты не практикуют обзоров прошедших телепередач. Телевидение, несмотря на всю свою массовость, не имеет специального журнала, как имеют его деятели музыки, изобразительного искусства, кино, театра. Со своим зрителем работники студии не встречаются и его мнение о своих передачах узнают нечасто, от случая к случаю.

А ведь телевидение у нас любят, интересуются им, как новинкой, как добрым изобретением, скрапывающим людям часы досуга. Добровольцев, желающих помочь студии, придет видимо-невидимо, — стоит только хлопнуть клещ. У студии повсеместно поднимают свои корреспонденты или телекоры, как хочется их называть. И сколько новых возможностей откроется перед студией, насколько легче ей будет обобщить собственный опыт и сделать необходимые выводы!

Эта статья не исчерпывает и сотой доли тех вопросов, которые связаны с проблемой телевидения. Но если она кого-нибудь разозлит, расшевелит «заинтересованных лиц», послужит началом, как говорят у нас, «большого разговора», нужна в котором давно назрела, я позволю себе считать, что дело сделано, что советское телевидение вступает в лобную пору творческой перестройки.